

RU

Антиутопическая традиция в ранней прозе братьев А. и Б. Стругацких. Статья первая

Осьмухина О. Ю., Харитонов А. Н.

Аннотация. Статья посвящена анализу ранней повести братьев Стругацких в контексте эволюции их творчества. Цель исследования заключается в выявлении особенностей преломления антиутопической традиции в повести «Трудно быть богом» (1963). Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении уточняется генезис и развитие антиутопических мотивов в ранней прозе братьев Стругацких. В результате исследования установлено, во-первых, что, сочетая элементы политической сатиры, философского романа, повесть «Трудно быть богом» впервые в творчестве Стругацких строится по жанровой модели антиутопии, для которой характерны идея отказа от свободы, признание тотальной обезличенности. Во-вторых, основной мотив в «Трудно быть богом» – подавление свободы творчества и свободы мысли, которое закономерно ведет к культурному упадку и социальной деградации. В-третьих, повествование можно разделить на две части: антиутопия, порождающая тоталитаризм, и антиутопия торжествующего тоталитаризма. В-четвертых, в художественной организации арканарского социума условно можно выделить несколько уровней: это «средневековые» обыватели, зомбированные властью фашистские «серые» дружины, арканарская «знать», преследуемые «книгочеи» и тоталитарные «черные», которые захватили государство, установив диктатуру.

EN

The dystopian tradition in the early prose of brothers A. and B. Strugatsky. Article one Введение

O. Y. Osmukhina, A. N. Kharitonov

Abstract. The article is devoted to the analysis of the early novella by the Strugatsky brothers in the context of the evolution of their creative work. The aim of the study is to identify the peculiarities of the reinterpretation of the dystopian tradition in the novella “Hard to Be a God” (1963). The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time in domestic literary studies, the genesis and development of dystopian motifs in the early prose of the Strugatsky brothers are clarified. As a result of the study, it was established, firstly, that by combining elements of political satire and philosophical novel, the novella “Hard to Be a God” is constructed for the first time in the Strugatskys’ oeuvre according to the genre model of dystopia, characterized by the idea of renunciation of freedom and recognition of total depersonalization. Secondly, the main motif in “Hard to Be a God” is the suppression of creative freedom and freedom of thought, which inevitably leads to cultural decline and social degradation. Thirdly, the narrative can be divided into two parts: a dystopia generating totalitarianism and a dystopia of triumphant totalitarianism. Fourthly, in the artistic organization of the Arkanar society, several levels can be conditionally distinguished: these are the “medieval” commoners, the fascist “gray” squads zombified by power, the Arkanar “nobility,” the persecuted “book-eaters,” and the totalitarian “blacks” who seized the state and established a dictatorship.

Введение

Общеизвестно, что в отечественной научной фантастике конец XX века был ознаменован появлением феномена братьев Стругацких. Их творческий путь начался с восторженно-утопических произведений, прославляющих светлое коммунистическое будущее, однако затем утопические мотивы сменились мрачными антиутопическими размышлениями. Братья-соавторы являются одними из ярчайших представителей отечественной фантастической литературы, чьё многогранное наследие оказало значительное влияние на развитие русской и мировой фантастики – от С. Снегова, В. М. Рыбакова, С. В. Лукьяненко, М. Г. Успенского в России до Ст. Лема, К. Саймака, А. Азимова, Р. Асприна, Дж. Уайта, П. Андерсона на Западе. По произведениям,

сценариям бр. Стругацких сняты фильмы, выпущены аудиокниги и созданы компьютерные игры (достаточно вспомнить, к примеру, медийные воплощения «Пикника на обочине» в культовом «Сталкере» А. Тарковского и в игре S.T.A.L.K.E.R. 2007 года или же известные киноинтерпретации «Пикника на обочине» А. Тарковским («Сталкер») и «Обитаемого острова» Ф. Бондарчуком). Несомненная заслуга бр. А. и Б. Стругацких состоит в том, что они не только увели отечественную научную фантастику от штампованного воспевания советской коммунистической идеологии, но и заставили читателей задуматься о социально-философских и духовно-нравственных проблемах социума (Неронова, 2016). Таким образом, актуальность настоящей статьи очевидна и обусловлена необходимостью исследования творчества бр. Стругацких, оказавшего влияние на развитие современной научной фантастики, а также пристальным интересом отечественного литературоведения к процессу эволюции антиутопической литературы (Безчотникова, 2008; Воробьева, 2009; Костенко, 2019; Ланин, 1993; Любимова, 2002; Осьмухина, Максинаев, 2023; Юрьева, 2005).

В соответствии с поставленной целью задачи работы предполагают, во-первых, осмысление причин перехода прозаиков от утопии к антиутопии в повести «Трудно быть богом»; во-вторых, анализ особенностей антиутопических мотивов в ней.

Несмотря на несомненную значимость наследия писателей, во многом определившего вектор развития фантастической словесности на рубеже XX–XXI вв., и наличие отдельных крупных исследований их творчества (Амусин, 1996; Вишневский, 2022; Володихин, Прашкевич, 2012; Надежкина, 2010; Некрасов, 1995; Хауэлл, 2021; Kajtoch, 1993; Черняховская, 2016), их проза остается недостаточно изученной, особенно это относится к раннему периоду 1960-х годов. В связи с этим материалом исследования явилась ранняя проза бр. Стругацких:

- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений: в 11 т. / под общ. ред. С. М. Бондаренко. Изд-е 2-е, испр. М.: Астрель, 2013. Т. 3.

Также их статьи, письма, интервью:

- Интервью длиною в годы: по материалам офлайн интервью Б. Н. Стругацкого / ред. А. В. Кузнецова // ФантЛит: электронный журнал. 2005. № 1 <http://www.e-reading.club/book.php?book=145642>;

- Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003.

Теоретической базой явились, во-первых, исследование антиутопии Б. А. Ланина (1993), в котором были выделены ключевые признаки этого феномена; во-вторых, фундаментальные работы, описывающие ключевые этапы творческого пути (Володихин, Прашкевич, 2012), дающие периодизацию творчества (Кузнецова, 2004) и выявляющие тенденции развития (влияние американских фантастов, прежде всего Р. Брэдли) ранней прозы бр. А. и Б. Стругацких (Амусин, 1996).

Ключевыми методами нашего исследования стали: социологический, с помощью которого повесть бр. Стругацких прочитывается как иллюстрация постигаемых ими общественных закономерностей, и метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому повесть «Трудно быть богом» рассмотрена в едином контексте с ранним творчеством прозаиков.

Практическая значимость статьи состоит в том, то её наблюдения, отдельные выводы и результаты могут быть использованы в вузовском курсе истории русской литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах по советской фантастике и творчеству бр. Стругацких.

Обсуждение и результаты

«Трудно быть богом» как переломный этап в творчестве бр. Стругацких

Полноценным (совместным) литературным дебютом Стругацких считается научно-фантастический рассказ «Извне», который был опубликован в январе 1958 г. в журнале «Техника – молодежи», но, как известно, настоящий триумф им принесла первая книга «Страна багровых туч» (1959) – утопическая повесть о подвигах храбрых космолетчиков, которые несли свет коммунизма во мрак Вселенной. Именно с неё начались писатели Стругацкие, хотя Борис Стругацкий в «Комментариях» и назовет её «злосчастная, заредактированная, не любимая своими родителями повесть» (Стругацкий, 2003, с. 30). «Страна багровых туч» – это единственное произведение Стругацких, которое есть «плоть от плоти советской приключенческой научно-фантастической литературы», и позднее прозаики отойдут от твердых шаблонов «гражданственного ампира 40–50-х» (Володихин, Прашкевич, 2012, с. 40). Борис Стругацкий в своих мемуарах говорит о том, что они хотели «по-другому»: «Фантастика была сусальна, слюнява, розовата и пресна, как и всякая казенная проповедь. А фантастика того времени была именно казенной идиотической проповедью – проповедью ликующего превосходства советской науки и, главным образом, техники. Мы же хотели ПО-ДРУГОМУ» (Стругацкий, 2003, с. 34). Творческий «манифест» принадлежит А. Н. Стругацкому, который пишет брату: «Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее <...> – сколько по а) широте и легкости изложения научного материала; б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев; в) по разумной смелости введения в повествование предположений “на грани возможного” в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев; г) по смелому, смелому и еще раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвертом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще больший привкус необычайного. А разве необычайное – не наша основная тема?» (Стругацкий, 2003, с. 36).

После «Страны багровых туч» бр. Стругацкие работают в рамках все того же «раннего романтизма», о чем свидетельствуют «Путь на Амаальтею» (1960), «Полдень, XXII век» («Возвращение») (1962), «Стажеры» (1962).

Идеал «ранних» Стругацких воплотится в «Мире Полдня». Это кульминация их «романтизма», изображение «истинного» коммунизма глазами писателей. Комментируя «Возвращение», Борис Стругацкий напишет: «Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить МИР, В КОТОРОМ БЫЛО БЫ УЮТНО И ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ... Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества» (Стругацкий, 2003, с. 45). Цикл «Мир Полдня» состоит из сборника «Возвращение (Полдень, XXII век)» и отдельных повестей («Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Беспокойство» (один из вариантов «Улитки на склоне»), «Обитаемый остров», «Малыш», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»). Говоря о «Полдне» всё в тех же «Комментариях», Б. Стругацкий противопоставляет его миру реальной советской действительности: «У классиков сказано было, что коммунизм – это общество, в котором нет классов... Общество, в котором нет государства... Общество, в котором нет эксплуатации человека человеком... Нет войн, нет нищеты, нет социального неравенства... А что, собственно, в этом обществе ЕСТЬ? Создавалось впечатление, что есть в том обществе только знамя, на коем начертано: от каждого по способностям, каждому по потребностям» (Стругацкий, 2003, с. 47). Прозаик рассуждает о духовно-социальном кризисе, который неизбежен при тоталитарном «омассовлении», критикует классиков «марксизма-ленинизма» и приходит к выводу, что невозможно построить утопию на одной лишь «науке и технике» (очевидно, что скепсис по поводу безграничного доверия к науке наследуется прозаиками у Г. Уэллса и зачинателя антиутопии Е. Замятина): «Но что будет двигать этим вашим светлым обществом? Куда дальше оно будет развиваться? За счет каких конфликтов и внутренних противоречий? Ведь развитие – это борьба противоположностей! – Ведь никаких фундаментальных («антагонистических») противоречий в вашем хрустальном сверкающем мире не осталось! Так не превращается ли он таким образом в застойное болото, в тупик, в конец человеческой истории, в разновидность этойкой социальной эвтаназии?» (Стругацкий, 2003, с. 48).

Советская критика воспринимала прозу бр. Стругацких достаточно однобоко, лишь с точки зрения соответствия или не соответствия идеологии, причем особенно был не приемлем их «реализм характеров», ибо в коммунистическом обществе будущего не могло быть героев, которые чертыхались, или дрались друг с другом, или, что еще хуже, погибали. Характерные отзывы о творчестве писателей выглядели, как указывает А. Ф. Бритиков, примерно так: «Трудно, например, понять, как среди космонавтов мог оказаться человек, не только страдающий славолубием, но и способный превратить случайное неразумие в безобразную драку («Страна багровых туч»). <...> Не очень заботятся Стругацкие и о психологической правде положительных персонажей. Умные и интеллигентные люди у них чересчур уж склонны к пошловатым островам. Раздражает нарочитое благородство, наигранная скромность, демонстративно грубоватая мужественность» (Бритиков, 2005, с. 250).

Смена творческого вектора ознаменована выходом повести «Попытка к бегству» (1962). В произведениях, которые были выпущены ранее, писатели «эволюционировали» лишь в плане литературного мастерства: их герои из идеальных полумифических существ, свойственных отечественной научной фантастике, становились настоящими, «живыми» характерами, идеи начали подаваться завуалированно – посредством диалогов действующих лиц, – действительность изображается не напрямую, но через впечатления все тех же персонажей, создавая мозаику вместо монолитного полотна. Но, начиная с «Попытки к бегству», происходит переосмысление идеологической составляющей их творчества: бр. Стругацкие со всей очевидностью отказываются от изображения «счастливого коммунистического будущего», по крайней мере, пока это будущее находится в руках фанатиков режима.

Обычно, говоря об антиутопии у Стругацких, принято иметь в виду их более позднее творчество, в котором появляются такие явные антиутопии, как «Обитаемый остров» (1969) или «Град обреченный» (1972). То, что большая часть ранних произведений подвергалась цензурированию и так или иначе воспринималась сквозь идеологический фокус, привело к искажению изначального авторского замысла и формированию устойчивых стереотипов в «дешифровке» текста. Вероятно, именно поэтому нет однозначной трактовки их творчества. Чтобы более полно проанализировать «идейную направленность» повести «Трудно быть богом», нужно определить, что лежит в её основе, находится за пределами художественного текста, но составляет с ней единое творческое пространство.

Множество интерпретаций строится на том осознании, что мир Арканара есть противопоставление миру Коммунизма, который а priori воспринимается советским. Но если вспомнить слова самого Б. Н. Стругацкого по поводу «Мира Полдня» (утопический цикл, в который входит повесть), то можно выделить принципиальный момент для понимания этого произведения. Дело в том, что «коммунизм» Стругацких – это отнюдь не коммунизм СССР. Писатели сами неоднократно говорили о том, что их «коммунизм» ничего общего не имел с известными партийными доктринами, да и само по себе понятие утопического мышления подразумевает критику реальности. Из этого следует, что, во-первых, утопия Стругацких – это их личное видение лучшего, по сравнению с реальным, мироустройства, во-вторых, это дает необходимое пространство для вкрапления мотивов антиутопии, поскольку в этом случае не существует противоречия в интерпретации «основополагающих» сюжета. Заметим здесь, что, говоря о прозе Стругацких, под «мотивами» мы понимаем наличие мирообразующей идеи, основанной на развитии тенденций исторически реального общества, выдающихся бр. Стругацкими как негативные. В качестве вторичных признаков будут выступать типичные для антиутопии изобразительные детали («изображающая среда действия»), а также приемы, необходимые для формирования психологии антиутопического мировосприятия (в первую очередь, социальная напряженность и страх).

Антиутопические мотивы в повести «Трудно быть богом»

Повесть «Трудно быть богом» (1963; опубликована в 1964) является одним из самых известных произведений писателей и в то же время один из первых их антиутопических текстов. На наш взгляд, весьма удачно подобрал к ней определение Войцех Кайтох, назвав ее «антиутопией в утопии» (Kajtoch, 1993, с. 187) (здесь и далее перевод наш. – О. О., А. Х.). Коммунистическое общество, достигнув небывалого развития, выходит за пределы своей планеты и пытается просвещать другие миры по своему образу и подобию – это можно определить как некую утопическую «оболочку» повести. Но это своеобразный авторский прием, позволяющий более многогранно подать ключевую идею произведения, которое, по воспоминанию Б. Стругацкого, «удалось»: «Одни читатели находили в нем мушкетерские приключения, другие – крутую фантастику. Тинэйджерам нравился острый сюжет, интеллигенции – диссидентские идеи и анти тоталитарные выпады...» (Стругацкий, 2003, с. 50).

Сама по себе «анти тоталитарность» – как мотив повести, интерпретируемый в сознании читателей, – была бы невозможна, если бы «Трудно быть богом» создавалась в рамках «советской утопии», для которой, как известно, не была свойственна рефлексия. Но общественное сознание «оттепели» – период, когда была написана повесть, – уже получило возможности переосмысления «самого себя». Осуждение сталинских репрессий, ослабление идеологического давления, реабилитация населения – все это подготовило почву для зарождения сомнения в эффективности «коммунистического счастья». Свобода мысли порождала вопросы о легитимности режима. Если коммунизм еще понимался как основа «светлого будущего», то реальность уже перестала восприниматься как осуществившееся счастье. Таким образом, появляется востребованность антиутопии как примера того, к чему могут привести последствия утопии искаженной. «Трудно быть богом» – непростая вещь, это «многослойное, до отказа “заряженное” идеологией произведение» (Володихин, Прашкевич, 2012, с. 55), где «метафорой становится и сам фантастический мир романа. Его внутренние противоречия снимаются, как только Арканар и его проблемы превращаются в аллерегию тоталитаризма: нацистского – очевидно, сталинского – более замаскированного. Мнимое средневековые оказываются попросту кодовым обозначением социально-психологических корней тоталитаризма: мещанства, невежества, тупости. Всё, что остается от исторической реальности, – набор клише “темных веков”. – Из этого клише вырастает роман, который только притворяется, что создает мир. На деле он придумывает шифр. Расколов этот шифр, читатель вознаграждается чувством принадлежности к избранной группе: тех, кто понимает, что в преследовании книжечее авторы изображают сталинский террор... Смысл аллерегии в “Трудно быть богом” состоит в том, что сталинизм и нацизм это сходные, если не идентичные явления...» (Володихин, Прашкевич, 2012, с. 57). Из приведенного комментария, который был дан уже в 1990-е годы, становится очевидно, что для современного читателя открываются три социально-исторических пласта, имевших тоталитарный характер и выступающих фоном: Средневековье, фашизм, тоталитарная действительность СССР. Главный герой – ученый-прогрессор Антон-дон Румата Эсторский, – на первый взгляд, вполне «типично-советский» герой, строитель «межгалактического коммунизма». Однако перед героем встает вопрос: трудно ли «быть богом»? Другими словами, трудно ли брать на себя право решать за других и нужно ли это. Посредством образа Антона-Руматы прозаики размышляют над этим, как над главной этической проблемой власти. Рефлексивные рассуждения главного героя, беседы с «книжечеем» Будахом и народным вождем Аратой прочитываются, на наш взгляд, как размышления самих Стругацких, вложенные в уста персонажей, как, условно говоря, авторский идеологический трактат. Сходную мысль высказывают Д. Володихин и Г. Прашкевич: «Другими словами, вырезав из текста повести “Трудно быть богом” семь монологов, добавив туда диалог Руматы и Будаха, а также указанный абзац из десятой главы, надо расположить “лопасти веера” в верной последовательности. Вот тогда и возникает связный, самостоятельный историко-философский трактат» (Володихин, Прашкевич, 2012, с. 59). Попытка ответить на вопрос «трудно ли быть богом» произойдет в финале повести, когда Антон будет беседовать с Будахом и в ходе беседы выяснится, что абсолютное счастье невозможно: «Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках... – Я мог бы сделать и это. <...> Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?» (Стругацкие, 2013, с. 344). В конце концов, Антон все-таки примет решение начать борьбу против установившегося тоталитарного режима, жертвами которого стали близкие ему люди. Так, в сознании главного героя, носителя «светлой коммунистической утопии», происходит столкновение коммунистического утопического идеала с теми чертами, которые он получил в реалиях СССР. Здесь Стругацкими ставится философский вопрос об исторической неоправданности не только тоталитарных методов, но и самой тоталитарной идеи. Попытка насильственного построения нового общества, даже во имя благих идеалов, – это путь, порождающий хаос. Писатели не дают конкретного ответа на вопрос, оправдано ли это, предлагая читателю сделать собственный вывод.

Заметим, что Стругацким не свойственна декларативность изложения, идеи не являются действующими лицами, но всё сюжетное развертывание нанизывается на них. Тем не менее писатели рисуют картину социального апокалипсиса, у которого две причины: общество и власть. Роль индивидуума в формировании общественного гражданского сознания очень важна, но, когда эта роль пассивна или сведена к нулю, происходит захват власти отдельной элитарной группой. В «Трудно быть богом» общество показано максимально пассивным, «бессловесным», в состоянии духовного и интеллектуального анабиоза. Именно это основной мотив арканарской антиутопии, который получает дальнейшее развитие в качестве появления абсолютной диктатуры: «– Вздор! – сказал

Румата, осаживая жеребца. – Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подраться. Неужели тебе никогда не хочется подраться, Киун? Все разговоры, разговоры... – Нет, – сказал Киун. – Мне никогда не хочется драться. – В том-то и беда, – пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки» (Стругацкие, 2013, с. 276).

Повествование можно разделить на две части: антиутопия, порождающая тоталитаризм, и антиутопия торжествующего тоталитаризма. Королевство Арканар, некогда богатое и развитое («Еще совсем недавно двор Арканарских королей был одним из самых просвещенных в Империи...» (Стругацкие, 2013, с. 123)), переживает социальный кризис. Параноидальная власть, видя главным врагом просвещение, пытается всячески уничтожить «книжечеев», тем самым укрепляя свои позиции. Само общество изображается в сатирической манере, высмеивающей «обывательский средневековизм». Условно можно вычленить несколько уровней в художественной организации арканарского социума: это «средневековые» обыватели, зомбированные властью фашистские «серые» дружины и тоталитарные «черные», которые захватили государство в конце, установив диктатуру. Соединение нескольких исторических ассоциаций в один воплощенный мир может указывать на существование общей идеи, но для анализа следует исключить «изображающую среду» из характеристики художественного пространства. Под «изображающей средой» здесь, очевидно, стоит понимать средневековый антураж повести и постепенно формирующийся тоталитаризм. Если «изъять» эту историческую аллюзию, то останется мир, выступающий той константой, от которой отталкивается социальный прогноз Стругацких и на которой базируется миромоделирующая функция антиутопии. Основа этого мира – невежество его обитателей, и это то, от чего предостерегают писатели. Действие строится вокруг подавления культуры и лишения человека возможности самовыражения и свободы творчества. Мир, основанный лишь на удовлетворении элементарных потребностей, приобретает черты антиутопического. Негативный образ поддерживается постоянным акцентированием на средневековых приметах: отсутствии гигиены, нравственности как простейших атрибутов «цивилизованного» общества.

Различные сюжетные детали позволяют воспринимать этот мир как своеобразное «зазеркалье» тоталитарного режима вообще. Бессловесность народа и нежелание мыслить – вот основная причина деградации. Люди становятся легко управляемым «стадом», а потому тоталитаризм здесь вполне логичен и естественен, поэтому он не выполняет миромоделирующую функцию. Кстати, «стадо» у Стругацких – это, в первую очередь, мещанство как общее свойство социума, которое отличается «духовной стагнацией», массовым безразличием ко всему, кроме примитивных потребностей (здесь, как это ни парадоксально, очевидная отсылка к «филистерам» Гофмана, которые так же сосредоточены исключительно на собственных потребностях и заботе о своекорыстных интересах). Мещанин не может быть основой «светлого будущего», мещанство – это путь в духовное «средневековье». Кстати, о связи советской исторической действительности и действительности Арканара напишет позднее сам Б. Стругацкий. Мир Арканара – это, отчасти, реакция на разгром Хрущевым выставки художников-абстракционистов в декабре 1962 года и последовавшую за этим волну нападок на всё, что было не «по-ленински» и не «во имя коммунизма»: «Не надо иллюзий. Не надо надежд на светлое будущее. Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное. И если для нас коммунизм – это мир свободы и творчества, то для них коммунизм – это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства» (Стругацкий, 2003, с. 60).

Именно такое общество появится после установления в Арканаре «черной» диктатуры. Художественное полотно повести «Трудно быть богом» насыщено иносказаниями и аллюзиями. «Бессловесное» общество лишается своих просветителей, и вместо цветущего «Полдня» теперь Арканар, где в школах обучают мастерству пыток, а знающий грамоту становится врагом государства. Вместо «светлого будущего» возникают образы тоталитарного режима, который воспринимается в единстве с экстремистскими принципами фашизма. Арканар – это мир, в котором совершенно точно не хочется жить, это антиутопия. Но антиутопия Стругацких отличается от построения классических антиутопий, ведь Арканар – это чужая планета, само «место» является вымышленным, формально нельзя сказать, что это последствия конкретного земного тоталитаризма. Тем не менее это модель именно земного мира. Такое иносказание – лишь авторский прием, позволяющий читателю самому домыслить причины его появления. Действие антиутопии перенесено в вымышленное пространство, но которое при этом имеет черты, характерные для антиутопической реальности: замкнутость, изолированность. Энтропийность психологии социума в этом пространстве – это часть антиутопического ритуала. Хаос выступает как основа общества; чтобы быть частью этого мира необходимо стать частью хаоса. Духовная культура – это «книжечей», интеллигенция. Под интеллигентностью понимается не просто образованность, но способность анализировать действительность и формировать собственное мировоззрение. «Трудно быть богом» – это не столько научно-фантастическая антиутопия (как, например, «Машина времени» Г. Уэллса), где причина упадка – негативные последствия интенсивно развивающегося земного мира, но антиутопия социально-философская, отчасти политико-философская. Главное зло – подавление личности, подавление науки и искусства (неудобных правительственному курсу). Стругацкие полагают, что любая попытка жесткого диктата в сфере жизненного пространства социума может привести к абсолютному тоталитаризму и, как следствие, еще большей деградации человека и массовым кровопролитиям.

Для светлого будущего нужна мыслящая нация, трудящаяся нация, нация созидаящая, и, что самое важное, общество должно эволюционировать самостоятельно, изнутри. Арканар же представляет собой мир,

не способный к эволюции. Достаточно вспомнить отца Кина, сказавшего, что враг государства – «грамотей-мечтатель», «грамотей сомневающийся» («Прокуратор Патриотической школы высокоученый отец Кин – садист-убийца, постригшийся в монахи, автор “Трактата о доносе”, обратившего на себя внимание дона Рэбы» (Стругацкие, 2013, с. 280)), дон Рэба – интригана, жаждущего власти (в черновиках он записан как дон Рэбия, но, как отметил Борис Стругацкий, «это был слишком очевидный намек на Берию» (Интервью длиною в годы..., 2005)), Вагу – предводителя «уличной мафии», который станет «партнером» дон Рэбы (соответственно, вместо тандема «государство и граждане» возникает тандем «власть и бандиты»), – все это аллюзии к сталинскому тоталитаризму, равно как и, по справедливому замечанию Д. Кузьмина, «сочный эпизод выдачи гражданам “знаков очищения”» (2010). Один из исследователей творчества бр. Стругацких В. Кайтох писал, что «культурный советский читатель не имел ни малейших трудностей с обнаружением в арканарских событиях аллегорий судьбы российской и советской интеллигенции, массово уничтожаемой во времена правления Сталина или же подвергающейся различным преследованиям. Читатель именно культурный, ибо иной мог и не знать ничего об этих делах. Если же знал и аллюзии прочел, то в монологе Руматы имел возможность обнаружить попытку анализа исторической роли сталинизма в его отношении к интеллигенции и прямое предостережение о том, чем мог бы кончиться для СССР рецидив... если учесть личные недоразумения Хрущева с интеллигенцией» (Kajtoch, 1993, с. 112).

Результат гипотетического «рецидива» в изображении бр. Стругацких – приход к власти «чёрных» и появление уже настоящего тоталитарного режима, построенного по всем канонам антиутопической литературы: подавление свободы личности, жесткий контроль государства, возникновение системы, физическое устранение неугодных, поддержка пропаганды, стремление к стандартизации, появление специфических обрядов (обязательное приветствие «Во имя Господа! – Именем его!», выдача металлических браслетов группе «избранных»). Новое пространство стремительно приобретает черты антиутопии торжествующего тоталитаризма: «Эта неотвратимость чувствовалась во всем. И в том, что штурмовики, которые еще совсем недавно трусливо жалась к казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены “возмущенным народом” все лавочки, торгующие раритетами, – единственные места в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мертвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшение города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе черным гнилым зубом, спаленная “случайным пожаром”. И в том, что потребление спиртного за два последних года выросло в четыре раза – в Арканаре-то, издревле славившемся безудержным пьянством! И в том, что привычно забитые, замордованные крестьяне окончательно зарылись под землю в своих Благорастворениях, Райских Кущах и Воздушных Лобзаниях, не решаясь выходить из землянок даже для необходимых полевых работ» (Стругацкие, 2013, с. 260). Или: «Румата подошел к окну. Оно выходило на площадь перед дворцом. Уже занималась заря. В серое небо поднимались дымы пожаров. На площади валялись трупы. А в центре ее чернел ровный неподвижный квадрат. Румата вгляделся. Это были всадники, стоящие в неправдоподобно точном строю, в длинных черных плащах, в черных клобуках, скрывающих глаза, с черными треугольными щитами на левой руке и с длинными пиками в правой» (Стругацкие, 2013, с. 275).

Мотивы антиутопии в «Трудно быть богом» выделяет Д. Сувин, сравнивая произведение с повестью «Далекая радуга»: «В них обоих экстраполяция уступает место четко сфокусированным аналогическим или иносказательным моделям зрелой научной фантастики. В них обоих утопическая этика подвергается испытанию антиутопической тьмой, нечеловеческой силой разрушения, которой невозможно противостоять» (Сувин, 2007). «Светлое будущее» возможно только в таком обществе, где человек осознает самого себя, свое существование и ответственность за свои поступки. Исключительно при условии свободного нравственного, интеллектуального, творческого развития личности может существовать здоровое общество. Богом быть трудно, если вообще возможно. Не случайно к власти приходят «черные» монахи, развязавшие беспощадную резню с неугодными. «Сущность человека <...> – в удивительной способности привыкать ко всему. <...> Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть и приспособливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...» (Стругацкие, 2013, с. 280). Таким образом, «Боги» тоталитаризма оказались лишь палачами, которые при необходимости продают свою идею с расчетом на личную выгоду.

Заключение

Итак, в заключение мы пришли к следующим выводам.

Вопросы, связанные со спецификой антиутопии имеют дискуссионный характер, но тем не менее можно обозначить ряд ключевых признаков, характерных для антиутопии как синтетического явления, сочетающего в себе философские, культурологические, социальные концепты. Ведущие функции – это социальное прогнозирование и предупреждение. В формальном плане для антиутопии характерно использование традиционных литературных жанров как «структурного скелета», а также наличие специфического сюжетного архетипа.

В творчестве бр. Стругацких антиутопические мотивы появляются уже после выхода повести «Попытка к бегству» (1962), где происходит переосмысление идеологической «составляющей», которая примет завершенный вид в их первой антиутопической повести «Трудно быть богом». Именно в ней писатели от живописания космических далей переключаются на изображение механизмов коммунистической реальности как антимира, осмысливают происходящие исторические события, которые проецируются в виде антиутопических мотивов. Само общество, испытывавшее «синдром отмены» утопизма, характерного для эпохи советского тоталитаризма, находилось в той стадии, когда критика реальности опиралась на уже имевшуюся попытку насильственного создания «идеального» мира. Обусловленность антиутопии социопсихологическими факторами подтверждает социолог и исследователь феномена антиутопизма И. Д. Тузовский: «Часто упускается из виду тот момент, что произведения утопического-антиутопического метажанра редко создаются “просто так”. Даже постыдающие “страшилки” отражают страх перед ядерным конфликтом» (Тузовский, 2009, с. 245). Основным мотив в «Трудно быть богом» – подавление свободы творчества и свободы мысли, которое ведет к упадку культуры и деградации всего общества. Антиутопический мир Арканара, исключая самостоятельность мышления, уникальность внутреннего переживания человеком, но насильственно подчиненный идеологической норме, «прочитывается» как «инфернальное» прошлое СССР. Иными словами, по Стругацким, любой диктат власти представляется угрозой возрождения тоталитарного режима, в этом и заключается «предупреждающая» функция арканарской антиутопии.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в анализе преломления антиутопической традиции в произведениях бр. Стругацких второй половины 1960-х годов («Хищные вещи века», «Второе нашествие марсиан», «Обитаемый остров»).

Источники | References

1. Амосин М. Ф. Братья Стругацкие: очерк творчества. Иерусалим: Бесэдер, 1996.
2. Безоточникова С. В. Русская литературная антиутопия, пределы XX-XXI веков: динамика развития, векторы модификаций, типология: автореф. дисс. ... д. филол. н. К., 2008.
3. Бритиков А. Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917-1991 годы): в 2 кн. СПб.: Борей-Арт, 2005. Кн. 1: Научная фантастика – особый род искусства. Изд-е 2-е, испр.
4. Вишневский Б. Л. Двойная звезда: миры братьев Стругацких. СПб.: Дом Галича, 2022.
5. Володихин Д. М., Прашкевич Г. М. Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия, 2012.
6. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: дисс. ... д. филол. н. Самара, 2009.
7. Костенко В. В. Антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2019.
8. Кузнецова А. В. Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950-1990-е гг.: дисс. ... к. филол. н. М., 2004.
9. Кузьмин Д. М. Трудно быть богом (статья для энцикл. народных памятников) // ФантЛит: электрон. журнал. 2010. № 8. <http://www.guelman.ru/slava/writers/strugatsky.htm>
10. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия: монография. М.: Изд-во МГУ, 1993.
11. Любимова А. Ф. Жанр антиутопии в XX веке. Содержательные и поэтологические аспекты. Пермь: ПермГУ, 2002.
12. Надежкина Т. О. Три мифа Стругацких: монография. Владивосток: Морской гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2010.
13. Некрасов С. Власть как насилие в Утопии Стругацких: опыт деконструкции. 1995. <https://litlife.club/books/80708/read?ysclid=mbbdclnfnj110241875>
14. Неронова И. В. Раннее творчество братьев Стругацких: поиск индивидуального стиля // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2016.3746>
15. Осьмухина О. Ю., Максинаев Р. И. Специфика преломления антиутопической традиции в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20230300>
16. Сувин Д. О научно-фантастическом творчестве братьев Стругацких // РусФант: электронный ежемесячник. 2007. № 11. <http://www.rusf.ru/abs/rec/simon00.htm>
17. Тузовский И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009.
18. Хауэлл И. Апокалиптический реализм: научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких / пер. с англ. Е. Нестеровой. Бостон – СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2021.
19. Черняховская Ю. Братья Стругацкие: письма о будущем. М.: Книжный мир, 2016.
20. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2005.
21. Kajtoch W. Bracia Stugaccy. Krakow: Universitas, 1993.

Информация об авторах | Author information**RU****Осьмухина Ольга Юрьевна¹**, д. филол. н., проф.**Харитонов Андрей Николаевич²**^{1, 2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск**EN****Olga Yurievna Osmukhina¹**, Dr**Andrei Nikolaevich Kharitonov²**^{1, 2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk¹ osmukhina@inbox.ru, ² andrej_xaritonov_9696@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 15.05.2025; опубликовано online (published online): 05.06.2025.

Ключевые слова (keywords): советская научная фантастика; ранняя проза братьев Стругацких; антиутопическая традиция в повести «Трудно быть богом»; мотив подавления свободы творчества; средства изображения массового тоталитарного сознания; Soviet science fiction; early prose of the Strugatsky brothers; dystopian tradition in the novella “Hard to Be a God”; motif of suppression of creative freedom; means of depicting mass totalitarian consciousness.